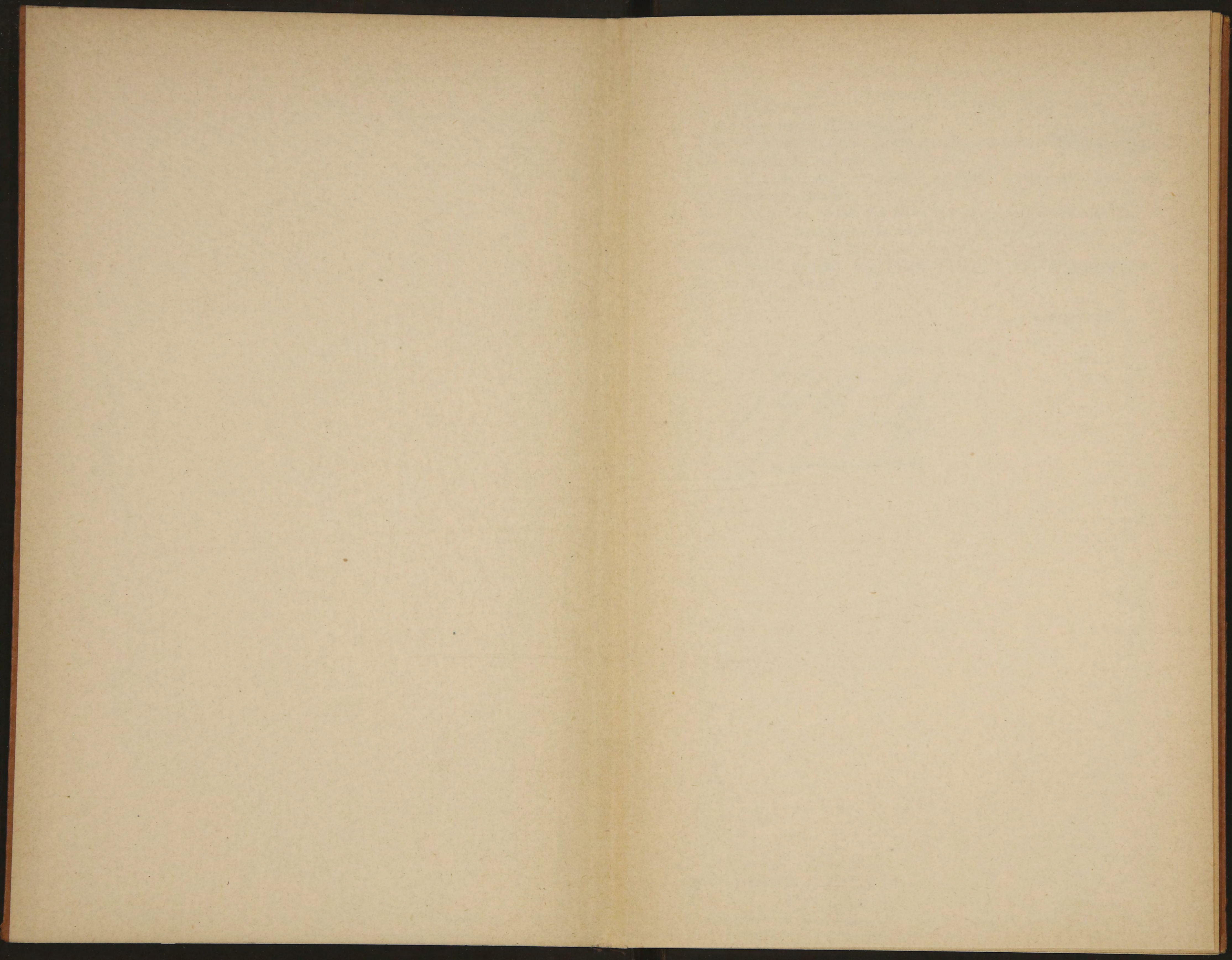

19976.

— Конечно!

— Кто это? — спросила Таня.

— Рабочій, слесарь. Замѣчательно хорошій человекъ, — сказала Варвара Васильевна.

— Я тоже хочу его увидѣть, — быстро проговорила Таня съ загорѣвшимися глазами.

— Да всѣмъ, всѣмъ нужно его повидать, — рѣшилъ Сергѣй. — Хоть у Вари всѣ люди — замѣчательно-хорошіе люди, а все-таки интересно.

— Ну, а теперь спать! — объявила Варвара Васильевна. — Еле на ногахъ стою.

В. Вересаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

19976

39

Библиотека ИИФ СССР

(Миръ России. 1902, I)

82777

ИЗЪ ЖИЗНИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ *).

(Paul de Rousiers. «La question ouvrière en Angleterre». Paris 1895).

Книга Рузье является результатомъ изслѣдованія, предпринятаго имъ по порученію парижскаго «Musée social». Онъ былъ въ Англіи, лично осматривалъ тамъ многіе заводы и фабрики и знакомился съ рабочими. Будучи противникомъ социализма, Рузье останавливалъ свое вниманіе преимущественно на «преуспѣвшихъ» рабочихъ, которые, по его словамъ, рѣшили для себя рабочій вопросъ.

Поэтому книга его носитъ нѣсколько односторонній характеръ. Но, какъ бы мы ни относились къ основнымъ взглядамъ автора, нельзя не признать, что изслѣдованіе его заключаетъ въ себѣ много интересныхъ практическихъ данныхъ о жизни рабочихъ въ разныхъ англійскихъ городахъ. Читатель не найдетъ въ ней рѣшенія рабочаго вопроса, но зато найдетъ характерныя бытовыя картинки, рисующія столь чуждыя намъ, характерныя фигуры англійскихъ рабочихъ въ ихъ семейной и трудовой обстановкѣ. Рузье описываетъ сначала рабочихъ въ мелкомъ производствѣ, ведущемъ непосильную борьбу съ крупными предпріятіями, затѣмъ шотландскихъ углекоповъ и, наконецъ, рабочихъ въ крупной промышленности. Послѣдняя часть его книги, посвященная описанію крупной промышленности, наименѣе интересна: здѣсь онъ даетъ только отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ заводахъ, касающіяся преимущественно технической стороны. Поэтому о ней мы говорить не будемъ.

I.

Для иллюстраціи падающихъ производствъ стараго типа Рузье беретъ одну маленькую мастерскую желѣзныхъ издѣлій въ Бирмингамѣ.

*) Настоящая статья найдена при разборѣ бумагъ покойной Л. К. Давыдовой въ видѣ вполне готовой къ печати работѣ. Намъ извѣстно, что Л. К. Давыдова отложила ее, съ цѣлью сдѣлать нѣкоторыя дополненія по новымъ появившимся книгамъ того же типа, что и Рузье, имѣя въ виду рядъ задуманныхъ ею очерковъ изъ культурной и общественной жизни Западной Европы. Статья печатается безъ всякихъ измѣненій.

Хозяинъ ея, Жозефъ Браунъ, началъ простымъ рабочимъ и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался собственникомъ мастерской и дома съ садикомъ, въ которомъ онъ живетъ съ семьей. Это — типъ преуспѣвшаго рабочаго, который, по словамъ Рузье, «рѣшилъ для себя социальный вопросъ».

Конечно, такое рѣшеніе можетъ быть только единичнымъ, и въ сущности является вовсе не «рѣшеніемъ» рабочаго вопроса, а просто счастливою случайностью.

Авторъ книги познакомился съ Брауномъ слѣдующимъ образомъ: въ домѣ одного изъ его друзей служила въ няняхъ сестра Брауна, и хозяинъ дома, узнавъ о цѣли пріѣзда своего гостя, досталъ ему рекомендацію отъ няни къ ея брату. Эта небольшая подробность очень характерна, потому что она рисуетъ ту социальную среду, изъ которой вышелъ Браунъ: самому ему удалось выбиться въ люди и его дочь занимаетъ уже болѣе высокое общественное положеніе, — она служитъ учительницей въ одной изъ городскихъ школъ Бирмингама, а сестра его остается простой прислугой.

Маленькая мастерская Брауна помѣщается въ одномъ изъ рабочихъ предмѣстій Бирмингама. Авторъ засталъ Брауна за работой въ кузницѣ. Узнавъ, что посѣтитель его и есть тотъ самый «джентльмэнъ», о которомъ ему говорила сестра, Браунъ тотчасъ же оставилъ работу, надѣлъ пиджакъ и отправился показывать ему свои владѣнія. Маленькая мастерская, домъ, гдѣ живетъ семья Брауна, садикъ, окруженный каменной оградой, обвитой ползучими растеніями — все это его собственность. Въ мастерской его работаютъ отъ 10 до 22-хъ рабочихъ, и все это спеціалисты, потратившіе много времени на изученіе своего ремесла, и получающіе хорошую заработную плату — отъ 10 до 12 шил. въ недѣлю въ теченіе всего года. По словамъ Рузье, отношенія Брауна къ своимъ рабочимъ далеко не патріархальныя, что, впрочемъ, замѣчается и въ большинствѣ маленькихъ мастерскихъ, въ которыхъ вообще рабочіе поставлены хуже, чѣмъ на крупныхъ фабрикахъ. «У Брауна это особенно рѣзко бросается въ глаза, потому что вообще онъ чрезвычайно привѣтливъ и мягокъ, — говоритъ Рузье, — о своей женѣ онъ всегда отзывается съ искреннимъ чувствомъ, которое пріятно поражаетъ васъ въ человѣкѣ, женатомъ 25 лѣтъ; дѣти болтаютъ съ нимъ безъ всякаго стѣсненія и страха, но къ рабочимъ онъ относится далеко не по отечески».

Изъ разговоровъ съ Брауномъ выясняется, что его мастерская, которая въ былыя времена процвѣтала и послужила единственнымъ источникомъ благосостоянія для всей его семьи, состоящей изъ жены и 8 человѣкъ дѣтей, теперь находится въ упадкѣ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ крупными предпріятіями, выполняющими ту же работу машиннымъ способомъ.

— Дѣйствительно ли все дѣло заключается въ конкуренціи ма-

шинъ?—спрашивалъ авторъ изслѣдованія у своего собесѣдника.—Можетъ быть, одной изъ причинъ вашей неудачи являются также неблагоприятныя условія при покупкѣ сырья?

— Конечно, — отвѣчалъ Браунъ, — но эти неблагоприятныя условія играютъ лишь самую незначительную роль. Если бы я велъ производство въ крупныхъ размѣрахъ, я прямо заказывалъ бы желѣзо на какомъ-нибудь большомъ заводѣ въ Шеффилдѣ или Бирмингамѣ, и мнѣ оно обходилось бы гораздо дешевле; но тамъ не принимаютъ заказовъ меньше, чѣмъ на десять тоннъ сразу, а для меня это слишкомъ много. Поэтому приходится прибѣгать къ посредникамъ и переплачивать имъ на каждой тоннѣ. Но, главное, мы имѣемъ страшнаго соперника въ лицѣ машины и въ скоромъ времени ручныя кузнечныя издѣлія совсѣмъ исчезнутъ.

Сознавая неизбежность упадка своего ремесла, Браунъ рѣшилъ обезпечить будущность своихъ дѣтей на другомъ пути. Это ремесло дало ему возможность воспитать дѣтей, но онъ не хочетъ, чтобы они продолжали его дѣло: одинъ изъ его сыновей служитъ въ торговой конторѣ, двое другихъ эмигрировали въ Новую Зеландію, и только старшій сынъ, Джо, помогаетъ отцу, да и тотъ специализировался не въ технической работѣ, а ведетъ коммерческую часть предпріятія и пріобрѣтаетъ знанія и опытъ, которыя могутъ пригодиться ему во всякомъ другомъ дѣлѣ.

— Все это очень просто рассказывается, — замѣчаетъ Рузье, — а на дѣлѣ оно вовсе не такъ просто. Сколько есть рабочихъ, которые во что бы то ни стало держатся за какое-нибудь падающее производство, требуютъ поддержки и искусственныхъ ограниченій. Браунъ ни отъ кого ничего не требуетъ: онъ только констатируетъ фактъ, что для его дѣтей его предпріятіе не будетъ такимъ выгоднымъ, какимъ оно было для него, и старается обезпечить имъ другой заработокъ.

Рузье подробно описываетъ вечеръ, проведенный имъ въ семьѣ Брауна.

«Въ восемь часовъ вечера, — говоритъ онъ, — я звонилъ у двери Брауна. Мнѣ открыла мистриссъ Браунъ; она попросила меня войти въ гостиную и немного подождать мужа, который долженъ сейчасъ вернуться. Оставшись одинъ, я воспользовался этимъ, чтобы осмотрѣть ихъ обстановку. Гостиная — небольшая квадратная комната, съ однимъ окномъ на улицу. Полъ устланъ цѣльнымъ ковромъ. Съ потолка спускается люстра съ тремя рожками газа. Противъ входной двери бѣлый мраморный каминъ, надъ нимъ стѣнное зеркало. Мебель солидная, семейная, прослужившая уже много лѣтъ, покрыта темнымъ репсомъ. Столы покрыты скатертями. Одинъ столъ заваленъ книгами и альбомами. На столахъ и на каминѣ красуются многочисленныя фотографическія карточки, а на стѣнахъ висятъ двѣ-три гравюры. Такова гостиная Жозефа Брауна.

«Въ ожиданіи хозяина, я разговариваю съ его двумя маленькими

сынишками, которые съ любопытствомъ разглядываютъ меня. Младшій, молодой человекъ лѣтъ 8, показываетъ мнѣ книжку съ картинками, изображающими разныхъ животныхъ. Мы вмѣстѣ просматриваемъ картинки, обмѣниваемся различными соображеніями относительно носороговъ, львовъ, ягуаровъ, и пр., и вскорѣ дѣлаемся большими пріятелями. Его братъ, старше его на два года, въ свободное время занимается музыкой. Онъ приноситъ свою скрипку и извлекаетъ изъ нея нѣсколько звуковъ, предварительно объяснивъ мнѣ, что онъ взялъ всего одинъ урокъ. Это можно было заключить и по его игрѣ, но тѣмъ не менѣе я совѣтую ему продолжать заниматься. Мои поощрительные совѣты, впрочемъ, совершенно излишни, потому что, въ качествѣ маленькихъ англичанъ, мои новые друзья относятся ко всѣмъ своимъ занятіямъ съ глубочайшею серьезностью. Эта серьезность ихъ невольно заставляетъ меня улыбаться, когда я бесѣдую съ ними о ягуарахъ и о скрипичныхъ гаммахъ, но въ то же время я сознаю, что именно это свойство и сдѣлаетъ изъ нихъ впослѣдствіи людей, способныхъ выйти побѣдителями въ борьбѣ за существованіе.

«Пока мы бесѣдуемъ, приходитъ и самъ м-ръ Браунъ, но я вижу передъ собою уже не рабочаго въ кожаномъ фартукѣ и безъ жилетки, какъ утромъ въ мастерской, а прилично одѣтаго господина въ сѣрой пиджачной парѣ весьма недурного покроя. Браунъ предлагаетъ мнѣ сигару и стаканъ «виски съ содой», и у насъ начинается обстоятельный разговоръ о его жизни и работѣ».

Исторія Брауна очень несложна: отецъ его былъ рабочимъ механикомъ и произвелъ на свѣтъ многочисленное потомство: онъ былъ женатъ дважды и имѣлъ 15 дѣтей. Маленькій Джо съ 11 лѣтъ былъ отданъ въ ученіе въ желѣзно-дорожную мастерскую желѣзныхъ издѣлій. Образование его оставляло желать очень многого: онъ мало посѣщалъ школу и, вѣроятно, всю жизнь ничего бы не добился, если бы съ 14 лѣтъ не созналъ необходимости пополнить свои скудные знанія: онъ усердно началъ посѣщать вечерніе классы, читалъ, учился, и не останавливался передъ добровольно-налагаемымъ на себя трудомъ въ томъ возрастѣ, когда большинство дѣтей думаютъ только о томъ, чтобы продлить свои часы досуга.

18-ти лѣтъ Браунъ кончилъ свое ученичество и поступилъ въ подмастерья въ одну маленькую мастерскую желѣзныхъ издѣлій. Возможно, что, покидая желѣзно-дорожную мастерскую, онъ уже мечталъ о независимомъ положеніи мелкаго предпринимателя, работающаго въ своей собственной мастерской, чего онъ и достигъ впослѣдствіи. Въ это время Браунъ женился и вскорѣ рѣшился завести свое маленькое предпріятіе. Но на первыхъ порахъ его постигла неудача: предпріятіе лопнуло и Браунъ остался на улицѣ съ женою и 4-мя маленькими дѣтьми. Приходилось начинать съизнова. Ему удалось получить хорошій заказъ и онъ принялся за дѣло съ двумя подмастерьями. Мало-по-малу

кругъ его заказовъ расширился и ему удалось вполне упрочить свое положеніе.

Дѣти Брауна начали работать въ томъ же возрастѣ, какъ и ихъ отецъ: старшій сынъ, 14 лѣтъ, поступилъ приказчикомъ въ одинъ магазинъ и зарабатывалъ 10 шилл. въ недѣлю, но онъ не ужился тамъ и вернулся въ отцовскую мастерскую, гдѣ завѣдуетъ теперь всею коммерческою частію и получаетъ 30 шилл. въ недѣлю. Другой братъ его служитъ въ большомъ фруктовомъ магазинѣ и дѣла его идутъ прекрасно: онъ уже скопилъ себѣ нѣкоторую сумму денегъ, собирается жениться и завести собственную лавочку. Двое среднихъ сыновей Брауна эмигрировали въ Новую Зеландію. Одинъ изъ нихъ, Джекъ, въ Бирмингамѣ занимался свиноводствомъ и дѣла его шли недурно— онъ успѣлъ скопить около 500 шилл., но здѣсь трудно было рассчитывать на быстрый успѣхъ, и вотъ онъ рѣшилъ попытать счастья въ Новой Зеландіи. Скопленныхъ 500 шилл. хватало какъ разъ на билетъ 3-го класса до Новой Зеландіи. Отецъ далъ ему небольшую сумму на первые расходы, подарилъ ему пилу и топоръ и снарядилъ его въ путь. Пила и топоръ ему очень пригодились: пріѣхавъ въ свою новую отчизну, онъ выстроилъ себѣ самъ хижину и занялся овцеводствомъ. Дѣла его вскорѣ начали процвѣтать и онъ выписалъ себѣ цѣлый рядъ машинъ изъ Англіи черезъ отца. На вопросъ Рузье, что Браунъ, вѣроятно, послалъ эти машины сыну въ подарокъ, тотъ отвѣтилъ: «Нисколько. Я только не получилъ никакой прибыли за свое посредничество и послалъ ихъ ему въ кредитъ, согласившись на уплату по частямъ. Онъ и до сихъ поръ еще долженъ мнѣ 50 ф. стерл., но, конечно, въ положенные сроки выплатить ихъ».

Успѣхъ Джэка побудилъ слѣдующаго брата Джона также отправиться въ Новую Зеландію и теперь они оба подговариваютъ всю семью эмигрировать туда. М-съ Браунъ не прочь была бы послѣдовать за своими дѣтьми, но самъ Браунъ не можетъ разстаться съ насиженымъ мѣстечкомъ.

Въ настоящее время семья Брауна живетъ вполне культурною жизнью: у нихъ въ домѣ нѣтъ прислуги, и м-съ Браунъ сама готовитъ и исполняетъ всѣ домашнія работы, но лѣтомъ они каждый годъ ѣздятъ куда нибудь къ морю или въ горы, «чтобы освѣжиться и отдохнуть». Однажды они даже переправились черезъ Ламаншъ и провели мѣсяць на берегу Бретани.

II.

Браунъ является представителемъ падающей отрасли производства, которая до сихъ поръ, однако, еще кое-какъ выдерживаетъ борьбу за существованіе и даетъ извѣстный доходъ; она погибаетъ; но еще не погибла. Разказавъ его исторію, Рузье переходитъ къ совершенно

побѣжденной отрасли производства—ручному ткачеству. Онъ воспроизводитъ передъ нами интересную фигуру ручного ткача изъ Ковентри—Геттериджа, пользуясь его автобіографіей, подъ названіемъ: «Lights and Shadows in the Life of an Artisan» (Свѣтъ и тѣни въ жизни одного ремесленника).

Геттериджъ былъ свидѣтелемъ «промышленной революціи» въ его отрасли производства. Въ 1831 году онъ работалъ въ качествѣ подмастерья на мануфактурѣ своего отца, когда владѣлецъ сосѣдней фабрики впервые примѣнилъ паровую машину къ производству шелковыхъ лентъ. Это произвело цѣлый переворотъ въ жизни города. На новую фабрику брали молодыхъ дѣвушекъ, которымъ платили поне-дѣльно. Рабочіе поняли, что имъ угрожаетъ опасная конкуренція: женщины, которыя до сихъ поръ допускались только въ качествѣ помощницъ, безъ всякихъ техническихъ знаній, могли съ успѣхомъ замѣнять ихъ при машинномъ производствѣ! Къ чему-же тогда служили 7 лѣтъ ученичества, которыми они покупали право работать въ качествѣ ткачей? Общее недовольство выразилось сначала въ протестахъ, въ негодующихъ митингахъ, а вскорѣ отъ словъ перешли къ дѣлу—толпа рабочихъ отправилась къ фабрикѣ м-ра Бека, посадила владѣльца ея на осла, лицомъ къ хвосту, и торжественно провезла его такимъ образомъ по всѣмъ улицамъ города. Часть рабочихъ присоединилась къ этой процессіи, а часть бросилась на фабрику, сломала неважистныя машины и подожгла фабричныя зданія.

Подобные инциденты происходили тогда по всей Англіи: рабочіе упорно противились введенію машинъ. Геттериджъ рассказываетъ, какого труда стоило тогда приписаться къ какому-нибудь ремеслу. Для этого нужно было пройти семь лѣтъ ученичества, причемъ ученикъ былъ связанъ съ мастеромъ неразрывнымъ контрактомъ и получалъ за свою работу только половинную плату; другая половина удерживалась его хозяиномъ. Къ тому же, если судьба посылала ему хозяина, склоннаго къ спиртнымъ напиткамъ, какъ это случилось съ Геттериджемъ, то, несмотря на 7 лѣтъ ученичества, трудно было выучиться какъ слѣдуетъ ремеслу. Вообще ученичество утрачивало характеръ обученія, а дѣлалось просто семилѣтнимъ предварительнымъ искусомъ для достиженія званія рабочаго.

Изобрѣтательный умъ Геттериджа тяготился однообразной ткаческой работой: его влекло къ механикѣ и на этомъ пути онъ, вѣроятно, достигъ бы большихъ результатовъ, но тѣ же ограниченія, которыя окружали его ремесло, заграждали ему доступъ въ другія. Кончивъ ученичество ленточнаго ткача, онъ подумывалъ сдѣлаться часовыхъ дѣль мастеромъ. Эта отрасль промышленности тогда процвѣтала въ Ковентри и болѣе отвѣчала его вкусамъ, чѣмъ ткачество, но тамъ тоже нужно было пройти 7 лѣтъ ученичества. Такимъ образомъ, Геттериджъ на всю жизнь оказался связаннымъ съ ремесломъ, которое

было ему не по душѣ и которое, къ тому же, находилось въ упадкѣ, вслѣдствіе введенія машинъ.

То измѣняется мода: вмѣсто лентъ, шляпы гарнируются перьями и кружевами, и тотчасъ же въ ленточномъ производствѣ наступаетъ застой. Америка закрываетъ свой рынокъ запретительными пошлинами, это тотчасъ же отражается на производствѣ лентъ въ Ковентри и непосредственно затрогиваетъ Геттериджа. Онъ женится и вмѣстѣ со своей семьей терпитъ постоянную нужду. Нужда эта доходитъ до такихъ предѣловъ, что приходится постепенно распродавать всю мебель и бросать въ огонь послѣдній стулъ, чтобы немного согрѣть комнату, потому что дровъ купить не на что. Сравнивая положеніе такого «независимаго» рабочаго, какъ Геттериджъ, съ положеніемъ фабричныхъ рабочихъ, Рузье приходитъ къ убѣжденію, что вторые находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ первые. По справедливому замѣчанію Чарльса Бутса, автора извѣстнаго изслѣдованія о «Жизни и трудѣ лондонскаго населенія», «нѣтъ болѣе тяжелой доли, чѣмъ доля одинокаго рабочаго, работающаго для неизвѣстнаго и необезпеченнаго рынка и не имѣющаго другаго хозяина, кромѣ необходимости прокормиться. Этотъ «независимый трудъ», также какъ и фабричная работа представляютъ собою различныя формы экономическаго рабства, но послѣдняя форма, въ общемъ, можетъ быть признана менѣе желательной».

Геттериджу пришлось на своей спинѣ испытать всѣ удовольствія такого «независимаго» положенія. Съ большимъ трудомъ, на занятыя деньги, ему удалось пріобрѣсти ткацкій станокъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣла его шли недурно: онъ могъ даже позволить себѣ маленькую роскошь—покупалъ книги и началъ собирать коллекцію раковинъ. Но вотъ насталъ тяжелый промышленный кризисъ 1860 г. и Геттериджъ въ теченіе цѣлаго года остается безъ работы. Всѣ его сбереженія растаяли, и ему съ большимъ трудомъ удалось снова устроить мастерскую и купить новые, усовершенствованныя станки. Наконецъ, мечта его сбывается: онъ заводитъ собственную маленькую мастерскую и работаетъ въ ней вмѣстѣ со своей женой. Но, къ несчастью, спросъ на ленты сокращается, и Геттериджъ, не имѣя запасовъ, принужденъ жить случайной, столярной работой. Благодаря своимъ не зауряднымъ способностямъ, онъ кое-какъ изворачивается: начинаетъ фабриковать собственными средствами микроскопы, скрипки, и пр. Въ 90-хъ годахъ онъ не могъ заработать ни одного пенни своимъ ремесломъ и перебивается разными побочными заработками. Въ настоящее время ему 75 лѣтъ и онъ живетъ на маленькую пенсію, которую ему даютъ друзья. Эти же друзья помогли ему издать его автобіографію. Но не надо забывать, что Геттериджъ — человѣкъ не заурядный, обладающій даже, какъ видно изъ его книги, нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ. И если такой человѣкъ на старости лѣтъ остается безъ куска хлѣба

и принужденъ прибѣгать къ общественной благотворительности, то какова же участь другихъ, менѣе одаренныхъ представителей погибающихъ отраслей промышленности!

Рузье приводитъ также интересную исторію другого ткача-неудачника и поэта, Вильяма Тома *). Вильямъ Томъ также былъ рабочимъ стараго типа—онъ былъ ручнымъ ткачомъ бумажныхъ матерій. Судьба его во многомъ напоминаетъ судьбу Гёттериджа: та же падающая отрасль промышленности, не выдерживающая конкуренціи съ грозною силою фабрикъ, снабженныхъ механическими двигателями и новѣйшими техническими усовершенствованіями; тѣ же кризисы, выбрасывающіе тысячи рабочихъ на улицу и заставляющіе Тома кочевать изъ города въ городъ, въ надеждѣ найти работу. Чтобы какъ-нибудь прокормить семью, Томъ прибѣгаетъ къ послѣдному средству—распродаетъ маленькую библиотечку, которую онъ съ такой любовью собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ бродитъ съ семьей по деревнямъ, играетъ на флейтѣ и поетъ собственные стихи подъ эту музыку. Фермеры даютъ кое-какіе гроши странствующему пѣвцу, и на эти деньги существуетъ вся семья. Зима стоитъ суровая и дѣти дрожатъ отъ холода, странствуя въ туманные ночи. Младшая дѣвочка умираетъ отъ холода и голода въ одной глухой деревушкѣ, и семья, схоронивъ ее на пути, продолжаетъ свое странствованіе. Наконецъ они добираются до Абердина, гдѣ Томъ находитъ работу, но не надолго: черезъ годъ снова наступаетъ безработица, а съ нею нужда.

III.

Далѣе Рузье описываетъ положеніе рабочихъ въ копяхъ Шотландіи и для иллюстраціи беретъ семью углекопа Фишера. Фишеръ также является «преуспѣвшимъ» рабочимъ, но для насъ онъ интереснѣе Брауна, потому что онъ остался настоящимъ рабочимъ и продолжаетъ работать въ тѣхъ же копяхъ, гдѣ и началась его трудовая жизнь.

Маленькая деревня Розуэль сплошь заселена углекопами, работающими въ копяхъ «White Hill Colliery». Можно сказать безъ преувеличенія, что вся жизнь деревни находится въ зависимости отъ компаніи, владѣющей копами. Всѣ дома въ деревнѣ принадлежатъ ей, все и вся находится въ ея власти. По словамъ Рузье, углекопы также прикрѣплены къ подземнымъ пластамъ каменнаго угля, какъ средневѣковые крѣпостные были прикрѣплены къ землѣ. Несмотря на отсутствіе юридическаго закрѣпощенія, оно фактически сохраняется въ полной силѣ: поколѣнія за поколѣніями жителей Розуэля работаютъ на шахтахъ. Деревня живетъ совсѣмъ обособленной жизнью. Углекопы свыкаются со своей работой и не ищутъ себѣ другихъ заработковъ, потому что они пред-

*) «Rhymes and Recollections of a hand-loom Weaver», by William Thom.

ставляютъ собою рабочихъ стараго типа, рабочихъ-спеціалистовъ, связанныхъ къ своей профессіи.

«Я познакомился съ Фишеромъ,—разсказываетъ Рузье,—черезъ школьную учительницу Розуэля и въ первый разъ зашелъ къ нему около 7 часовъ вечера. Онъ только что облекся въ свой рабочій костюмъ. Фишеръ работаетъ въ ночной смѣнѣ и поэтому вечеромъ не можетъ принимать гостей. По утрамъ онъ спитъ, пользуясь тѣмъ, что дѣти въ школѣ и въ домѣ тихо. Поэтому мы назначаемъ себѣ свиданье на другой день утромъ.

«Какъ всѣ рабочіе «въ «White Hill Colliery», Фишеръ работаетъ только 5 дней въ недѣлю: по субботамъ и воскресеньямъ въ шахтахъ нѣтъ работы. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ по субботамъ работали до полудня, но теперь установленъ полный субботній отдыхъ. Я спрашиваю Фишера, довольны ли рабочіе этимъ новымъ праздникомъ.

— Конечно,—отвѣчаетъ онъ.— Вѣдь мы же сами его и постановили.

Фишеръ вообще стоитъ за сокращеніе часовъ. «Когда я начиналъ работать,—разсказываетъ онъ,—рабочій день продолжался 12 часовъ, теперь онъ длится всего 9 часовъ въ Розуэлѣ, а въ другихъ деревняхъ — 8 ч., и мы отъ этого значительно выиграли. Я помню, что представляли собою углекопы, когда имъ приходилось работать по 12 часовъ въ день: почти никто изъ нихъ не читалъ газетъ и не интересовался общественными дѣлами; они гораздо рѣже насъ ходили въ церковь, вообще жизнь ихъ была скучной. Зимой имъ приходилось спускаться въ шахту, когда было еще совсѣмъ темно, и они выходили изъ нея только вечеромъ; по цѣлымъ недѣлямъ они не видѣли солнца, кромѣ какъ по воскресеньямъ».

Въ настоящее время розуэльскіе углекопы проводятъ въ шахтахъ 46 часовъ въ недѣлю: дневная смѣна спускается въ шахту въ 6 часовъ утра и возвращается въ 3 часа пополудни; въ 9 ч. работа прерывается на полчаса для завтрака. Дневные рабочіе получаютъ отъ 22 до 30 шил. *) въ недѣлю, т.-е. въ среднемъ около 6 шил. въ день. Рабочіе въ въ ночной смѣнѣ получаютъ отъ 30 до 35 шил. въ недѣлю. Правда, 35 шил. получаютъ только тѣ изъ нихъ, которые, какъ Фишеръ, добровольно работаютъ больше и остаются въ шахтѣ не 9, а 10 часовъ.

Работа въ Розуэлѣ имѣется постоянная и непрерывная, поэтому годовой заработокъ такого рабочаго, какъ Фишеръ, составляетъ около 1.800 шил. Къ доходамъ семьи нужно прибавить еще заработки двухъ старшихъ сыновей Фишера, изъ которыхъ одинъ служитъ въ конторѣ компаніи, а другой—подмастерьемъ въ столярной мастерской, состоящей при шахтѣ. Первый зарабатываетъ 7 шил., а второй—6 шил. въ недѣлю. Деньги эти идутъ въ общую семейную кассу, и такимъ образомъ

*) Шиллингъ около 50 к. по курсу.

составляется бюджетъ въ 2.380 шил. Посмотримъ же теперь, какъ живетъ семья Фишера на эти деньги.

Деревня Розуэль, въ которой живетъ 300 углекоповъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, застроенныхъ одинаковыми маленькими кирпичными домиками. Домики эти построены углепромышленной компаніей и отдаются въ наемъ рабочимъ семьямъ по 2 шил. въ недѣлю. Каждый домикъ имѣетъ передъ собой маленькій цвѣтникъ въ 25 метр., обнесенный невысокой каменной оградой. Цвѣтники, засаженные яркими, пестрыми цвѣтами, придаютъ веселый видъ маленькимъ домикамъ, и углекопы, возвращаясь домой изъ темныхъ подземныхъ копей, сразу попадаютъ въ уютную и веселую обстановку. Фишеръ, обитающій въ одномъ изъ такихъ домиковъ, очень ревностно ухаживаетъ за своими грядками герани и анютиныхъ глазокъ и, видимо, гордится этимъ цвѣтникомъ. За домомъ находится маленькій огородъ, въ которомъ произрастаютъ овощи, играющіе довольно значительную роль въ его хозяйствѣ. Подобно многимъ углекопамъ, Фишеръ—хорошій садоводъ: послѣ мрачной подземной работы, работа въ саду и огородѣ представляетъ для нихъ особую прелесть. По словамъ Рузье, онъ наблюдалъ эту любовь къ садоводству не только въ Шотландіи и Англии, но и во Франціи, гдѣ даже въ большихъ городахъ углекопы селятся на окраинахъ и стараются обзавестись небольшимъ садомъ.

«Внутреннее устройство дома очень просто: въ каждомъ имѣются 2 маленькія комнаты. Каждая комната съ альковомъ, въ которомъ помѣщается по 2 кровати. Все помѣщеніе занимаетъ около 45 кв. метровъ. Это очень немного, принимая въ соображеніе количество дѣтей. Фишеръ, женатый 18 лѣтъ, имѣетъ 8 человѣкъ дѣтей. Трое дѣтей у него умерло, замѣчаетъ Рузье, и такъ какъ послѣдній «бэби» родился всего нѣсколько недѣль тому назадъ, то есть основаніе думать, что онъ не навсегда останется послѣднимъ. Старшая дочь находится въ услуженіи, и въ маленькомъ домикѣ живутъ, не считая бэби, 8 человѣкъ: бэби помѣщается въ деревянной корзинкѣ, довольно примитивнаго устройства, а остальные члены семьи спятъ по двое въ 4-хъ кроватяхъ. Удивительнѣе всего то, что при такомъ большомъ количествѣ дѣтей и маленькихъ размѣрахъ квартиры, въ домѣ Фишера царитъ образцовая чистота и все имѣетъ вполне «респектабельный» (respectable) видъ.

Въ Англии условія жизни углекоповъ гораздо лучше, чѣмъ въ Шотландіи: въ Страффордширѣ, напр., жилища углекоповъ состоятъ минимумъ изъ 3-хъ комнатъ. Англійскіе углекопы не согласились бы жить въ такой тѣснотѣ.

Это объясняется, по мнѣнію Рузье, тѣмъ, что уровень потребностей рабочихъ въ Англии выше, чѣмъ въ Шотландіи. Англійскій рабочий ставитъ себѣ задачей хорошо работать и хорошо жить, и возлагаетъ надежды на увеличеніе производительности своего труда, а

не на сокращеніе своихъ расходовъ. Шотландскіе рабочіе стремятся къ тому же, но имъ труднѣе осуществить это, потому что промышленное развитіе въ Шотландіи не такъ подвинуто, какъ въ Англіи.

Кромѣ того, одной изъ главныхъ причинъ плохихъ жилищъ розуэльскихъ углекоповъ является то, что эти жилища принадлежатъ владѣльцамъ копей, которые преслѣдуютъ главнымъ образомъ свои выгоды, а не интересы рабочихъ.

Однимъ изъ преимуществъ Розуэля является отсутствіе скученности. Улицы широкія, дома построены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ концѣ улицы устроенъ водоемъ, снабжающій водою всѣхъ жителей.

Внутренняя обстановка жилища Фишеровъ не отличается особенной изысканностью: первая комната служитъ въ одно время и спальней, и кухней, и столовой; въ ней стоитъ деревянный буфетъ, большой столъ, 4 стула и соломенное кресло. У окна красуется прекрасная швейная машина, недавно пріобрѣтенная за 8 ф. стерл. Это — самая дорогая вещь въ домѣ, и она постоянно находится въ употребленіи. М-съ Фишеръ сама обшиваетъ всю семью.

Вторая комната обставлена съ нѣсколько большею роскошью. Въ ней, какъ и въ первой, есть альковъ съ двумя кроватями, отдѣленный ситцевой занавѣской; но передъ занавѣской стоитъ мягкая мебель — 6 стульевъ и кресло, обтянутыя темнымъ репсомъ, какой мы уже видѣли у Брауна. У стѣны — коммодъ и зеркало съ разными украшеніями. Окна завѣшаны бѣлыми занавѣсками.

Ѣдятъ шотландскіе углекопы тоже гораздо хуже своихъ англійскихъ товарищей: мясо они ѣдятъ только разъ въ день и пуддинги только по праздникамъ.

Фишеры обѣдаютъ послѣ 12 часовъ; обѣдъ состоитъ изъ супа, мясного блюда и овощей, главнымъ образомъ картофеля. Вечеромъ, въ 6 часовъ, пьютъ чай съ хлѣбомъ и вареньемъ и закусываютъ чѣмънибудь легкимъ — яйцами, селедкой и пр. При второй ѣдѣ мясо обыкновенно замѣняется какой-нибудь рыбой, которая здѣсь очень дешева, благодаря близости рыбацкихъ деревень на морскомъ берегу.

Рузье говоритъ, что, когда онъ рассказывалъ Фишерамъ сколько ѣдятъ англійскіе рабочіе, тѣ приходили въ ужасъ отъ этого избытка пищи.

М-съ Фишеръ покупаетъ всю провизію въ кооперативной лавкѣ, устроенной въ деревнѣ. Тамъ имѣется и мясо, и хлѣбъ, и колониальные товары. Фишеръ и его жена не нахвалятся этой лавкой.

По ихъ словамъ, продукты тамъ гораздо лучше и дешевле чѣмъ въ другихъ розуэльскихъ лавкахъ. И дѣйствительно, эта лавка чрезвычайно полезна для населенія, потому что благодаря ей прекратилась эксплуатація потребителей лавочникомъ, который раньше въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Розуэль, являлся полнымъ хозяиномъ,

и, благодаря отсутствію конкуренціи, могъ назначать какія угодно цѣны за свои товары. Фишеръ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что можетъ теперь покупать хлѣбъ на полпенса дешевле, чѣмъ раньше, говядину по 8 пенсовъ за фунтъ, чай по 4 шил., и пр. Но не это одно заставляеть его такъ дорожить своимъ званіемъ члена мѣстнаго потребительнаго общества.

«Каждый триместръ,—разсказываетъ онъ,—мы получаемъ извѣстныя сбереженія, скопившіяся на общей суммѣ нашихъ покупокъ. Послѣдній разъ мы получили по 4 шил. на каждый фунтъ стерлинговъ. Конечно, это указываетъ на то, что мы нѣсколько переплачиваемъ при нашихъ ежедневныхъ покупкахъ (хотя и то они обходятся намъ дешевле, чѣмъ раньше), но, благодаря такому устройству, мы получаемъ сразу небольшую сумму денегъ, которая идетъ на одежду. Большинство членовъ потребительнаго общества на это и рассчитываетъ, и къ этому времени и пригоняютъ заказы бѣлья и платьевъ, которые они могутъ получить тутъ же, въ кооперативной лавкѣ. Такимъ образомъ, потребительное общество является въ то же время и сберегательной кассой. Замѣтимъ кстати, что на этомъ же принципѣ основано и большинство бельгійскихъ потребительныхъ обществъ, напр., извѣстное общество «Впередъ» въ Гентѣ *).

Но потребительное общество въ Розуэлѣ не только удешевляетъ стоимость жизни и облегчаетъ сбереженія: оно является также практической школой для рабочихъ, учитъ ихъ отстаивать свои интересы и руководить предпріятіемъ. Фишеръ разсказываетъ по этому поводу:

«На общемъ собраніи, собирающемся каждые три мѣсяца, мы платимъ жалованье приказчикамъ, за помѣщеніе магазина и уплачиваемъ по счетамъ, представляемымъ управляющимъ лавкою. Все дѣло, конечно, находится въ его рукахъ, но мы можемъ смѣстить его, если будемъ имъ недовольны».

Изъ словъ Фишера видно, что контроль общихъ собраній надъ управляющимъ—самый серьезный и дѣйствительный. Не надо забывать, что этотъ контроль практикуется рабочими надъ операціями, которыя близко затрогиваютъ ихъ интересы и въ которыхъ они понимаютъ толкъ. По справедливому замѣчанію Рузье, такія кооперативныя лавки являются прекрасной школой здоровой демократіи, въ которыхъ рабочіе могутъ подготовляться къ пользованію своими политическими правами.

Вотъ приблизительный годово́й бюджетъ семьи Фишера, являющійся типичнымъ для шотландскихъ углекоповъ; бюджетъ этотъ вычисленъ у Рузье въ франкахъ, а мы переведемъ его на русскія деньги, считая франкъ по 40 коп.:

*) См. «М. Б.» 1900 г., іюнь, отд. II, 63. «Потребительныя общества въ Бельгіи».

Доходъ.

Жалованье Фишера	840 руб. — коп.
Жалованье двухъ сыновей	350 » — »
	1.190 » — »

Расходъ.

Плата за квартиру съ садомъ	52 руб. — коп.
Расходы на мебель и бѣлье	40 » — »
Отопленіе	42 » — »
Освѣщеніе	20 » — »
Ѣда	640 » — »
Одежда	140 » — »
Лѣкарства и доктора	7 » — »
Развлеченія	24 » — »
Взносы въ рабочіе союзы	2 » 40 »
Учебныя пособія	4 » — »
Страховка	20 » 80 »

Въ общемъ получается ежегодная сумма расходовъ около 990 р., и на непредвидѣнные расходы остается еще до 200 р. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ ежегодный расходъ «на развлеченія» включаются и расходы на газеты. Фишеръ выписываетъ двѣ газеты— одну ежедневную и одну еженедѣльную. Онъ вообще очень интересуется политикой и слѣдитъ не только за англійскими дѣлами, но и за тѣми, что дѣлается за предѣлами его отечества. По словамъ Рузье, этотъ углекопъ гораздо лучше освѣдомленъ на счетъ современныхъ вопросовъ, чѣмъ огромное большинство французовъ, получившихъ среднее образованіе. «Во время моего пребыванія въ Розуэлѣ,—говоритъ онъ,— на очереди стоялъ вопросъ о монометаллизмѣ и биметаллизмѣ. Фишеръ живо интересовался различными американскими «silver bills». Мы обсуждали съ нимъ отмѣну закона Шермана, вѣроятныя измѣненія въ тарифѣ Макъ-Кинлея и пр. Обо всемъ этомъ онъ высказываетъ свои сужденія, какъ человекъ, думавшій надъ этими вопросами; видно, что для него всѣ эти разсужденія имѣютъ реальную, фактическую подкладку. По своей газетѣ онъ слѣдитъ за новѣйшими событіями и относится къ нимъ вполне сознательно. Само собою разумѣется, что онъ имѣетъ вполне ясное представленіе объ Австраліи, Новой Зеландіи, Капштадтѣ. Онъ побывалъ въ Америкѣ, и въ каждомъ большомъ американскомъ городѣ, который случайно упоминается въ разговорѣ, у него окажется или родственникъ, или знакомый. Вообще весь земной шаръ кажется англичанину менѣе чуждымъ, чѣмъ Европа французамъ. Помимо личныхъ связей, въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить и

особаго характера англійской прессы, которая сообщаетъ своимъ читателямъ массу фактическихъ данныхъ и постоянно освѣдомляетъ ихъ относительно всего, что дѣлается на свѣтѣ».

Рузье сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о розуэльской школѣ. Сельскія школы въ Англии находятся въ зависимости отъ мѣстнаго школьнаго совѣта (School Board). Въ составъ школьнаго совѣта входятъ всѣ отцы семействъ данной деревни. Совѣтъ выбираетъ учителей, назначаетъ имъ жалованье и можетъ даже въ извѣстной степени вліять на программу школы и на ходъ преподаванія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта зависимость отъ деревни должна ронять учителя въ глазахъ родителей ихъ учениковъ. Но на самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Рузье, англійскимъ учителямъ нечего завидовать своимъ французскимъ собратьямъ, которые являются чиновниками на государственной службѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ онъ, Фишеръ относится къ розуэльской учительницѣ, миссъ Т., обучающей 2-хъ его дѣтей, съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ французскій крестьянинъ относится къ коммунальному учителю своей деревни, исполняющему свои бюрократическія обязанности, безъ всякой связи съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ Англии каждый отецъ семейства, будь онъ крестьяниномъ, углекопомъ или фабричнымъ рабочимъ, непосредственно заинтересованъ въ школѣ, въ которой учатся его дѣти, и прекрасно сознаетъ, что онъ можетъ оказать извѣстное воздѣйствіе на ея судьбу, что онъ несетъ отвѣтственность за ходъ занятій въ школѣ: онъ прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы учительница, за которую онъ подавалъ голосъ, дѣйствительно оказалась бы достойной его довѣрія.

Чтобы имѣть хорошихъ учителей, нужно хорошо оплачивать ихъ трудъ. Въ маленькой деревнѣ Розуэль, гдѣ всего 300 жителей, главный учитель получаетъ 200 фр. ст. (около 2 000 р.), учительница около 800 р., а помощницы учительницъ отъ 120—до 160 р. Помощницами являются старшія ученицы, которыя работаютъ для полученія права на преподаваніе и, между прочимъ, помогаютъ учительницамъ, занимаясь съ дѣтьми.

Л. Давыдова.

ДОМОЙ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ).

Второй разъ я подъѣзжалъ къ Петропавловскому порту на манчжурскомъ пароходѣ. Цѣлый годъ прошелъ въ непрерывныхъ скитаніяхъ по сѣвернымъ пустынямъ во славу этнографической науки. Я сдѣлалъ нѣсколько тысячъ верстъ на собакахъ и въ лодкѣ и за всю зиму ни разу не жилъ на одномъ мѣстѣ больше трехъ недѣль. Въ октябрѣ мокрая пурга чуть не зарыла насъ на среднемъ Анадырѣ; въ январѣ сухая мятель держала насъ въ осадѣ на вершинѣ горнаго перевала въ сѣверной Камчаткѣ; въ мартѣ мы попали въ густой снѣжный «убродъ» у рѣки Опуки и выбирались изъ него на лыжахъ три недѣли по поясъ въ снѣгу, соображая дорогу по солнцу и по теченію рѣкъ, какъ дѣлали это старинные казаки, въ іюнѣ прибои Сѣвернаго моря выбрасывали насъ на прибрежный песокъ и заставляли просиживать долгіе дни у каждаго скалистаго мыса, подъ утлымъ кровомъ кожаной лодки, опрокинутой вверхъ дномъ. Годъ выдался плохой, люди умирали отъ кори и отъ инфлуэнцы, олени падали отъ безкормицы, торжки и *сугланы* свелись на нѣтъ; намъ приходилось самимъ отыскивать уединенныя стойбища на просторѣ моховыхъ пустынь и глухіе поселки въ глубинѣ приморскихъ ущелій.

Культурныя привычки исчезли. Недѣлями нельзя было умыться, ибо не было топлива, чтобы натаять лишній котелъ снѣговой воды; питаться приходилось тухлой тюлениной, или сырой моржовой кожей, дѣлать съ собаками заплѣсневѣлую сушеную рыбу, жить съ ружья или сидѣть голодомъ.

Интересы цивилизованной жизни ступевались. Французская выставка, даже китайская война, все отошло куда-то далеко, какъ будто провалилось на тотъ свѣтъ.

Зато я розыскивалъ формы спряженій полуисчезнувшаго камчадалскаго языка, собиралъ каменные орудія у казацкихъ троглодитовъ на р. Хатыркѣ и черепа азіатскихъ эскимосовъ, во множествѣ вымершихъ съ голоду двадцать лѣтъ тому назадъ; дѣлалъ гипсовые маски и деревянные ящики для укладки коллекцій, снималъ фотографіи, набивалъ чучела, записывалъ вѣсни на фонографѣ. Вокругъ меня былъ

